

Развал СССР: почему и кому выгодно замалчивать факты и механизмы искусственно произведённого развала?

Сергей Солодовник,
*политолог, кандидат исторических наук,
заместитель председателя Исторического клуба,
член Союза журналистов Москвы*

Первый вопрос: был ли Борис Ельцин запрограммирован на развал СССР, либо им управляли по ситуации. Ключевой смысл этого вопроса состоит в определении главного фактора развала СССР. Либо он был следствием объективных, неизбежных, предопределённых факторов, имманентно присущих нашей стране и нашему строю до 1991 года. Либо развал есть следствие успешно проведённой операции по уничтожению геополитического противника со стороны стран Западного блока.

Кратко можно ответить так. Ельцин был крайне властолюбив, и стать вторым президентом СССР для него было значительно интереснее и почётнее, чем первым президентом РФ, обрубка бывшей империи. Вся политическая жизнь Ельцина есть

последовательное доказательство этого факта. Возможность перехватить власть в СССР сохранялась у Ельцина весь период от конца августа, краха ГКЧП, и вплоть до подписания соглашения трёх в Вискулях.

Однако все указы Ельцина этого периода, будучи последовательно нацелены на ослабление как полномочий Союзного центра в принципе, так и властных прерогатив Горбачёва в частности, не замещали Горбачёва Ельциным. В итоге Ельцин ни разу не покусился напрямую на кресло всесоюзного царя.

Вывод прост: поводок, на котором держали Ельцина и его ближайшее окружение менеджеры по развалу СССР, был настолько короткий, что четко направлял его властные амбиции на определённую цель: расшатывание и ослабление общесоюзного центра. А ошейник был столь жёстким, вероятно, вплоть до угроз немедленного физического уничтожения, что впервые за свою политическую биографию Ельцин не подобрал власть, которая буквально валялась на брусчатке Красной площади.

На основе этого краткого исследования одной частной, но важной детали механизма по развалу СССР, можно сделать ряд выводов.

В СССР, как и в сегодняшней России, сохранение страны зависело от немногочисленных личностей. Надави на них, устрани их – и остальные элиты и лиц у власти можно разыгрывать по своим нотам. У нас нет даже поста вице – президента, после пары лет неудачного для Ельцина эксперимента с Руцким.

И в СССР, и в нынешней РФ нет встроенных механизмов сохранения и преемственности строя, уклада, геополитической конструкции бытия народа. К примеру, силовая интервенция вооружённых сил не просто не предусмотрена, а прямо запрещена ныне действующей Конституцией. Теоретически полномочия есть у Верховного суда, но его полномочия расписаны, как нарочно, лишь для мирной жизни. Не было в СССР, как и нет сейчас монарха, который мог бы служить последней линией обороны перед развалом страны.

Второй вопрос: какой вывод мы можем сделать из опыта 25-летней

давности, чтобы иметь некоторые важные индикаторы возможного будущего предательства в отношении нашей Родины? Какие выводы из поведения ключевых фигурантов развала СССР могут стать тестом на подрыв, вредительство и диверсию по статье 64 старого УК РСФСР?

Приведу три эпизода, которые проявили решения и обоснования таких фигурантов событий 25-летней давности, как Эдуард Шеварднадзе и Александр Яковлев.

Афганистан накануне вывода советских войск.

Несколько месяцев длились переговоры с пешаварской семеркой лидеров оппозиции. Предложенные в известной мне аналитической записке в МИД СССР сводились к ускоренному варианту раздела власти со всеми лидерами «душманов» со стороны Наджибуллы. Учёт ситуации был прост: пока войска «шурави» контролируют Кабул и аэродромы, переговорные козыри у нас есть. Если привлечь всех лидеров вооружённой оппозиции к разделу власти, часть влияния и ресурсов останется за Наджибуллой, а значит, и за Москвой. Потому что можно будет отстроить систему противовесов, разыгрывая амбиции одних против других, и арбитром останется просоветская власть в Кабуле.

Резолюция Шеварднадзе сводилась к тому, что есть хорошие и плохие душманы, со всеми делиться властью нельзя, нельзя давать властные полномочия, они слишком много требуют. И вообще, они скоро между собой передерутся, как только 40-я армия уйдёт из Афганистана. Главный и убойный аргумент звучал примерно так: отдавать часть власти добровольно – это значит, что наши жертвы в Афганистане были напрасны, это позиция пораженцев и паникёров. Очень решительно и патриотично!

Результат известен. Власть была отдана вся и без остатка, влияние Москвы через пару лет после вывода стало равно нулю. Поражение стало тотальным.

Камбоджа накануне вывода вьетнамских войск.

Наше влияние в стране было по доверенности, через Вьетнам.

Участие в разделе власти было единственным шансом сохранить своё присутствие, причём напрямую. Шеварднадзе оказался в Пекине, и поселили его в одном гостевом комплексе с принцем Нородомом Сиануком. Запрос от Шеварднадзе: целесообразно ли устроить неформальную встречу, которую фактически предложили радушные китайские хозяева? Цена вопроса проста: делить власть в треугольнике Вьетнам – Китай – Запад, либо в треугольнике Китай – Вьетнам – Советский Союз? Рекомендация, которую лично я поддержал – встречаться с Сиануком, делить власть без Запада, но с нами.

Решение Шеварднадзе: встречаться с Сиануком не буду. Наши вьетнамские товарищи нас неправильно поймут, нельзя их толкать в объятия Китая. И прочие слова про интернациональную солидарность. Результат непосредственный – власть поделили без нас, глубоководный порт Кампонгсаом так и не стал нашей военно – морской базой. А в 2015 году Вьетнам вошёл в спонсируемое Соединенными Штатами ТТП – Транс – Тихоокеанское Партнёрство. Участие, в котором, кстати, не очень согласуется с ранее подписанным соглашением о присоединении Вьетнама к Зоне Свободной Торговли с участием России, Казахстана и Белоруссии.

Решение Шеварднадзе привело к немедленной утрате влияния в Камбодже, позже – в Лаосе, а затем – и во Вьетнаме.

Эстония за полгода до ГКЧП.

Ранняя весна 1991 года, когда уже состоялись и провокации в Вильнюсе, и перестрелки в Риге. В Эстонии, которая первой из всех союзных республик приняла декларацию о государственном суверенитете, было на редкость спокойно в «огнестрельном» отношении. Однако официальные переговоры с Москвой последовательно срывались обеими сторонами. Пиаровский повод не надо было искать: эстонские народофронтовцы настаивали на признании оккупации, основанной, в свою очередь, на секретных статьях пакта августа 1939 года между СССР и Германией. А Москву принципиально не устраивала декларация о суверенитете. Таким образом, стороны выдвигали неприемлемые условия, на которых могли бы состояться переговоры.

Под «крышей» Комитета защиты мира неформальные переговоры всё же состоялись в марте. Народофронтовцы отдали дань риторике, а затем согласились оставить Пакт 1939 года на суд грядущих поколений. А затем, взамен на признание государственного суверенитета, согласились на очень многое. И военные объекты СССР оставались бы на долгий период, и гражданство получили бы все люди с постоянной пропиской в ЭССР кроме уголовников, и общесоюзную собственность делать напополам. Руководство эстонского народного фронта пошло не только на эти уступки, но и признало необходимость международных гарантий достигнутых договорённостей. Однако присутствовавший на неформальной встрече помощник Александра Яковлева отправил предварительно парафированный эстонцами договор на апробацию своему патрону. И прораб перестройки ответил так: подписывать бумагу нельзя, потому что она приведёт к развалу Союза. А его надо сохранить любой ценой!

Результат. Союз распался, вся союзная собственность осталась за Эстонией целиком и полностью, русские стали апатридами, а войска были выведены в поле много раньше, чем из Германии.

Краткий вывод на будущее. Когда мы слабы, но сохраняется возможность удержать хотя бы часть позиций, следите за крайними «патриотическими» крикунами. Кто не признаёт компромиссов в сложных ситуациях, кто вопит о твёрдой защите интересов, о единстве любой ценой и о непреложности моральных обязательств – насторожитесь. Может, эти крики издают люди из списка «агентов влияния» и спонсоров будущего хаоса и развала.

Авторизованный текст выступления на четырнадцатом заседании Исторического клуба «Моё Отечество» при Союзе журналистов Москвы

28 января 2016 года